

А.Ф. Управителей

Учение о субъекте в философии имени С.Н. Булгакова

В смутные времена люди очень чутко относятся к слову. Они ищут в слове действительности, глубины, обещания, т.е. всего того, чего не хватает в жизни. В русской культуре начала XX в. наблюдается такой пристальный и нервный, экзальтированный интерес к слову. Любой литературный манифест требует реформы слова. Лингвисты возобновляют свои споры о природе слова. В мистическом опыте православия возникает новая практика умного делания, основанная на особом отношении к имени Божьему. Усилиями А. Булатовича формула имяславчества была доведена до предельной полноты и выразительности: «Имя Божие есть сам Бог, но Бог не есть Имя». Теория поэзии, лингвистика и религиозная мысль едины в утверждении: слово – не знак, метка, условное обозначение, а некая особая реальность.

Работа С.Н. Булгакова «Философия имени» имеет следующую структуру: «Что такое Слово? Речь и слово. К философии грамматики. Язык и мысль. Собственное имя. Имя Божие». Книга расположена в горизонте антропологической мысли, это не столько философия языка, сколько описание пространства объективации пользователя языка.

Именованье – форма рационального существования человека в мире. Давать имена вещам мира – оформлять именуемое как рациональное, располагать именуемое в человеческой реальности. Именованье – рационализация и антропоморфизация мира. Давать имена – формлировать свое присутствие в качестве субъекта рационализации и антропоморфизации. Человек, делающий имена, трансформирует мир и доказывает свое существование в качестве субъекта трансформации. «Всякое наименование содержит скрытое экзистенциальное суждение, в котором конструируется мистический акт выхождения субъекта в космос или вхождение в него космоса, соприкосновение сознания и бытия. Этот онтологический акт двуединый и слитный, в котором одновременно открываются глубины бытия, неизреченность, а вместе вспыхивает смысл, идея, слово», – пишет С.Н. Булгаков [1, с. 52].

Именованье есть онтологический акт. Данное положение основывается на реалистическом понимании слова и магическом понимании

имени. С.Н. Булгаков определяет слово как «самосвидетельство космоса в нашем духе» [1, с. 15], утверждает, что «не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной» [1, с. 23]. Слово реально, космично по своей природе, вещественно, в нем мир проговаривает себя посредством человека. Реальность слова задана универсальным Логосом бытия. Мир сотворен Божественным Словом, логосом, каждая вещь имеет свой внутренний логос – закон и форму существования, данные Творцом. Слово – откровение логоса вещи в сознании человека. Слова суть «символы» и «монограммы» бытия. Реальность слова не нарушается его человеческим исполнением. Мир проговаривается человеком, и этот процесс, несомненно, антропоморфизует «самоидеацию вселенной», но человек не в силах полностью нарушить этот процесс своей субъективностью. Человек может исказить, затемнить, конкретизировать и индивидуализировать слово, но пока оно имеет смысл, оно онтологично. Примером конкретизирующего искажения слова является, по С.Н. Булгакову, термин. «Термины суть слова ремесленного употребления, орудия, инструментализм которых запечатлен уже их возникновением, самим их строением, нарочитостью», – пишет философ [1, с. 138]. Открытость Богу-Логосу и релевантность миру-творению выражаются в мере присутствия Абсолютного в слове. Так, например, после грехопадения «голоса вещей стали доноситься глухо и неверно, звук их стал преломляться чрез разные призмы человеческой субъективности, в речь ворвался психологизм со всеми его опустошительными действиями» [1, с. 126].

Онтологическая природа слова и субъективный характер его существования делают слово силой, основой магического действия. С.Н. Булгаков утверждает, что имя во всей своей конкретности есть некоторая живая энергия. Имя не существует невоплощенно, как трансцендентная идея, оно есть энтелехия, которая в наименовании обозначается как потенция, а нареченное становится энергией, действующей как энтелехия.

Имя – идеальный предмет, единство идеального, как выражения идеи, и реального, как

специфической предметности. Как человек есть единство Божественного и тварного, так и имя есть единство идеального и реального. Имя как идеальное принадлежит области духа, миру идей, первообразов, архетипов, выражается как смысл, содержание, как понятие. Имя как реальное – окачественность бытия в познавательном акте человека, конкретно выраженная познавательная мощь человека. Называние имени предмета возводит сознание называющего в мир идеальных сущностей и фиксирует его в нем. Имя здесь – форма входа, так, например, в мир прекрасного можно войти через вход «гармония» или «выразительность», к Богу – через «ревность» или «гносис». Форма входа маркирует входящего, он приобщается к всеобщему индивидуальным образом. Называя вещь, человек схватывает ее в терминах собственного умозрения и практики, в этом смысле, назвать – овладеть. Получается, что любой акт называния имени – мгновенно возникающее единство идеального и реального, мост между идеальным и реальным, всеобщим и конкретным. Именованье – приобщение сразу к двум реальностям, единство овладения и приобщения. Именованье делает слово руслом энергетического потока. Слово не создает энергию, слово обеспечивает сообщение духовной и материальной реальности, что и создает возможность движения энергии, аналогично тому как электрический провод не создает энергию, но делает возможным движение энергии.

Имя есть энтелехия, в наименовании обозначаемая как потенция. Давая вещи имя, человек как принадлежащий духовной реальности, выражает форму полной осуществленности вещи, указывает на идеальный прообраз вещи. Человек выражает идеальное содержание вещи именем. Давая вещи имя, человек, как агент материального мира, оформляет актуальный образ овладения вещью, сообщает сегодняшний «план захвата вещи». Понятие есть свернутое действие, имя – форма действия.

Названное имя есть энергия, действующая как энтелехия. Человек – не творец, а пользователь имени. Будучи названным, произнесенным, имя больше не принадлежит тому, кто его произнес. Имя входит в бытие как действие, осуществление, как акт явления смысла. Имя абсолютно в своем существовании как единство материальной, формальной, действующей и целевой причин. Произнесение имени означает переход от потенции к организованно проявленной энергии, содержащей в себе свою материальную субстанцию, причину самой себя и цель своего движения.

Магия – «искусствование слова» – основана на тайне «имявоплощения» и практике словесного действия. С.Н. Булгаков утверждает, что «человеческое именование и имя воплощение существуют по образу божественного боговоплощения и именования», [1, с. 178] источником слова в мире является Божественное слово. Человек дает имена вещам; логосы вещей, данные Богом, схватываются и определяются в терминах человеческой практики. Формами имявоплощения являются религиозный опыт, мистическое созерцание, философское умозрение, научное постижение, нравственный подвиг. Воплощая имя, именую плоть, человек является проводником Божественного Логоса. «Именование Божие совершается в человеке и через человека, есть его деяние, пробуждение его феофорных и феофанических потенций, реализация в нем заключенного образа Божия», – пишет философ [1, с. 179]. Имя воплощение, рассматриваемое как практика словесного действия, и создает магию. Магия, в данном отношении, предполагает воздействие на мир посредством слова на основе знания истинных имен вещей и совершается объективацией воли в именовании. Например, маг устанавливает истинные имена понятий «гроза», «здесь – сейчас», «Москва» и оказывается соединенным с тремя островами в трансцендентном, связанным, так сказать, по вертикали. Собственной волей он устанавливает горизонтальную связь, и на город обрушивается нечто страшное. Как экзистенциальная практика магия противоположна Божественному творению и подобна человеческому творчеству.

Итак, для С.Н. Булгакова характерно реалистическое понимание слова. Имя понимается как духовно-материальная субстанция, как энтелехия вещи. Именованье – магическое действие; захватывая вещь посредством имени, именующий становится способным управлять именуемым.

Порядок дискурса, избранный С.Н. Булгаковым в философии имени, позволяет утверждать, что для него была важна не столько философия имени, сколько философия субъекта именования.

Субъект именования – произносящий имя, открывающий имя вещи и возводящий ее в интеллигибельное существование. Он подобен Творцу по знанию и могуществу, если может назвать истинное имя вещи, он утопает в безнадежном солипсизме, если лишен связи с миром и раздает вещам лишь человеческие имена – метки. Субъект именования – посред-

ник, он помогает миру открыться в человеке, а человеку – погрузиться в мир.

Субъект именованья в своей определенности есть «сказуемое всякого Я». Всякая определенность порождается в акте актуализации Я, в проговаривании Я. Я есть живущий, дышащий, слышащий... Субъектная определенность создается совокупностью предикатов. Субъект как бы закрыт в себе, он то, что нужно проявить, обнаружить посредством сочетания с предикатом. Формула «S есть P» – начало всякого определения. Определение – странное действие, в котором неизвестное делается известным через связывание его с этим известным. Кажется, определяющее загоняет определяемое в клетку из слов. «Партикуляция – обособление в пределах растительной особи отдельных структур, частей, морфологически четко выделяющихся и способных (при отделении) к самостоятельному существованию и развитию» [2, с. 451]. «Тиртханкара – в джайнской мифологии титул основополагающих вероучителей джайнизма, основных персонажей мифо-исторического комплекса, почитаемых как «боги богов»» [3, с. 541].

Субъект, именуемый сам в себе, – совокупность чьих-то определений. Кто определил его в качестве, например, человека, философа, жителя России 2001 года? Не будет ли преувеличением сказать, что все существование этого субъекта – осознание и присвоение кем-то данных определений? Обнаруживается какая-то несказанность, принципиальная непроговариваемость Я, субъекта всяких определений. Некая потенциальность без имени, до имени надевает на себя разные маски – формы определенности. Если субъект именованья сам кем-то/чем-то определен, то он становится транслятором качественной определенности. Определенный в качестве ученого транслирует ученость, определенный в качестве святого – святость, подлого – подлость. Получается, Я – некая станция, где приходят и уходят поезда, а автономность Я – абстрактная возможность немного разгрузить или загрузить состав, слегка задержать или ускорить время отправки. В своем самосознании, однако, субъект именованья – нечто принципиальное иное. Человек существует в качестве «станции», но сознавать себя таковым – полная смерть субъекта, превращение субъекта в результат, сумму, итог, следствие и т.п.

Субъект именованья в своем самосознании есть теург с трансцендентно обеспеченным могуществом. Результат самосознания – это не то, что есть, а то, что человек сознает

в себе существующим ради обеспечения возможности существования. О том, что в самосознании человек не познает себя, а производит фигуры самообмана, говорят даже стандартные учебники по психологии. Так, например, Д. Майерс пересказывает «смелую идею» Т. Уилсона: «Психологические процессы, контролирующие наше социальное поведение, отличаются от психических процессов, посредством которых мы объясняем свое поведение» [4, с. 69]. «Не всегда можно полагаться на самоотчеты» [4, с. 71]. «Личные свидетельства очень убедительны, но в них тоже могут быть ошибки» [4, с. 71].

Человек должен сознавать себя Адамом, дающим имена [Быт., 2, 19–20], чтобы быть способным дать имя. Но такая фигура сознания труднодостижима, ибо человек сознает, что он – самозванец, узурпатор именованья, раздает не истинные имена вещей, а собственные условные обозначения вещей. Ценность поэтического безумия, о котором вслед за Платоном любят говорить поэты, состоит не в экстазе как таковом, а в утрате рефлексии, в освобождении от ига самозванства.

Субъект именованья вынужден соглашаться на двусмысленную позицию и подкреплять ее упованием на трансцендентное обеспечение могущества. Термин «теургия», несмотря на все попытки его оправдания в русской философии (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский), имеет значение некоего насильственного волюнтаристического действия по обретению Божественного. «Теургийный соблазн» (В.В. Зеньковский) – произвольное навешивание квантора Божественности на все существующее и происходящее. То, что в интеллектуальном отношении называется «теургия», то в бытовом поведении и обыденном сознании – пустосвятство. Двусмысленность позиции теурга в том, что он действует как власть имеющий, но сам он никогда не может быть до конца уверенным, что он эту власть имеет. Неуверенность избывается надеждой или компенсируется практикой значительных результатов.

Субъект именованья сознает произвол и субъективизм именованья, всегда есть подозрение, что данное вещи имя – акт произвола, проекция субъективности или обозначение потребности. Неуверенность в адекватности слова заставляет теурга уточнять слова через связывание их с другими словами и усовершенствовать слова через производство синонимов. Теургу ощутима собственная некомпетентность в производстве слова и он старается избавиться от нее научными, художественными или ми-

стическими средствами. Так, например, П.А. Флоренский любил совершать этимологические экскурсы, в строгом смысле слова этимологией не являющиеся. Велимир Хлебников предлагал проект построения «заумного языка», исходящего из представлений об онтологичности и архаичной семантике звуковой формы. Положение теурга между уверенностью в праве и силе давать имена и подозрением в чистом субъективизме заставляет раскачиваться корабль поэзии от пророческого вещания до душевно-духовного эксгибиционизма.

Человек никогда не уверен в праве и силе давать имена, поэтому всякое именование – творчество и оправдание творчества. Любопытно было бы проследить соотношение творчества (производство текстов) и оправдания творчества (производство программ, манифестов, рассуждения поэта о поэзии и т.п.). Эпоха уверенности дает имена, эпоха сомнения размышляет имена в рефлексии и рассуждении.

Субъект именования в своей экзистенциальной практике есть агент связи идеального и реального, Я, реализующее свое существование в производстве знаков. Субъект именования строит отношения и формируется отношением связи разнокачественных слоев бытия. Слой бытия, обозначаемый в теоретической мысли как идеальное, ноуменальное, умопостигаемое, мир первообразов сущего, и соотносящийся в религиозной мысли с Божественной реальностью, существует для человека как проблематичная сверхреальность. По онтологическому статусу мир идей воспринимается как абсолютное по отношению к миру вещей как относительному, но это предполагается, желанная абсолютность, требующая подтверждения. Подтверждение необходимо найти в эмпирическом, конкретно данном. Слово является местом встречи идеального и реального, способом, формой существования идеального в реальном. Конкретность говорящего делает более реальным общее понятие. Именуемый выступает как сила конкретизации идеального. Бытие, возведенное в слово, приобретает статус осмысленности, укорененности в идеальном. Идеальное, выраженное в конкретном слове, теряет свою проблематичность, становится элементом мира.

Субъект именования строит свое отношение как связь. Взятое со стороны идеального, именование подобно творению, именование – погружение слова в ничто, низведение идеального в реальное, порождение конкретного. Слово охватывает собой реальность, трансфор-

мирует ее в рационализации, делает осмысленной, надындивидуальной, конвертируемой. Субъект именования, претворяя словом реальность, делает ее единицей смысла и коммуникации. Взятое со стороны конкретного, именование подобно возвращению твари к Творцу. Единичное, будучи схвачено в слове, становится укорененным в идеальном, превращается в некий носитель, символ идеального, становится не только местом, но и вместительством. Субъект именования – действующая сила по превращению всеобщего в единичное и единичного во всеобщее.

Субъект именования делает реальным свое существование в производстве знаков, знаки – «кирпичики» реальности, создаваемой именуемым, материальные фигуры связи идеального и реального. Его существование не субстанционально, а реляционно, он делает себя существующим в качестве агента отношения системы «идеальное-реальное». Субъект именования строит свою экзистенциальную практику как производство смыслов. Разум требует воплощения, реальность требует освоения, человек производит смыслы – фигуры освоения, дает им реальность в форме слов.

Субъект именования в своей онтологии есть конкретный логос и конкретный голос Абсолютного. Существование человека как субъекта именования складывается как проговаривание Абсолютного. Голос – «совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок; одна из двух или нескольких мелодий в музыкальной пьесе, партия в вокальном ансамбле; мнение, высказывание; внутреннее побуждение, осознание чего-нибудь; право заявлять свое мнение при решении государственных общественных вопросов, а также само такое выраженное мнение» [5, с. 133]. Абсолютное говорит голосом конкретного человека, но для того, чтобы звучал этот голос, человек должен отыскать дорогу к абсолютному через обнаружение запечатлений абсолютного в мире. Для того чтобы прозвучало слово, нужно отыскать необходимое быть сказанным. Необходимо отыскать логос, чтобы прозвучал голос. Это не два последовательных момента, а двуединая одновременность. Все человеческое существование складывается из этих двух моментов. Жизненной неудачей и потерей мира становится застревание на любом из этапов. Отыскивая логосы вещей, человек может впасть в иллюзию всемогущества и вместо мира очутиться на свалке собственных гносеологических конструкций, в плену субъективных имен,

в реальности солипсизма. Пытаясь стать чистым голосом Абсолютного, абстрагируясь от всякой конкретности голоса, бродя по пыльным тропинкам авторитетных свидетельств и догматических положений, человек рискует потерять себя, впасть в экзистенциальную неминуемость и уподобиться механическому приспособлению для накопления и передачи информации. Онтология субъекта именования складывается из имен-форм присутствия, имен-форм отыскания и самого процесса обнаружения-проговаривания Абсолютного. Имятворчество, т.е. движение в реальности, задается самим человеческим устройством; через человека конкретное открывает в себе Абсолютное, через человека Абсолютное конкретизируется.

С.Н. Булгаков о связи именования и мира пишет следующее: «Через Я мир свидетельствует о себе, что он есть. Я, языковое местоимение Я, оказывается онтологической рамой, в которую может быть вмещено все бытие, а в частности и бытие самого Я, насколько оно входит в космос, именуется, нарекается. Само же Я есть именование абсолютно неизменного, это сама *ousia*, обнажающаяся в феноменах как первородящая энергия. Я есть одновременно феноменальность и ноуменальность, трансцендентно-имманентное» [1, с. 54].

Итак, субъект именования есть сила рационализации бытия, агент связи идеального и реального, его существование заключается в производстве знаков, где знак – синтез логоса вещи и голоса Абсолютного.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953.
2. Биологический энциклопедический словарь. М., 1995.
3. Мифологический словарь. М., 1991.
4. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.